

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-393-407>
EDN: XVSGXF

Научная статья / Research article

«Создали себя и город»: женский вклад в развитие Магнитогорска 1950–1960-х гг.

Наталья Львовна Пушкарёва , Александр Владимирович Жидченко
Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия
 pushkarev@mail.ru

Аннотация: Повседневная жизнь советских женщин в годы хрущевской оттепели – одна из недостаточно исследованных тем советской женской истории. Изучению ее с применением методов гендерной антропологии и многофокусной этнографии городской жизни посвящена эта статья. Она основана на разнородном эмпирическом материале – опубликованных воспоминаниях современниц, их устных историях (записанных авторами статьи), материалах периодической печати, забытых произведениях художественной литературы, визуальных источниках. Основным исследовательским локусом выбран Магнитогорск как пример нестоличного крупного индустриального центра, возникшего еще до войны, в котором и после победы сохранялся демографический гендерный дисбаланс. Проанализировав особенности женского вклада в формирование нового образа города, авторы дополнили картину стилей жизни горожанок, показав несколько социальных типажей, менявших облик индустриального гиганта: архитекторов, домохозяек, активисток-общественниц, работниц Магнитогорского металлургического комбината. Собранный материал доказывает успешность новой социальной политики, выразившей инновационный транзит Советского государства от жестких методов управления 1930-х – начала 1950-х гг. к советскому демократизму, признанию значимости частной жизни, в том числе советской женщины. Обращение к теме советской женской повседневности полувековой давности вскрыло ряд проблем гендерного неравенства, обнажило черты трудностей организации повседневного женского домашнего (семейного) и производственного быта, доказав значимость гендерной антропологии как подхода, расширяющего возможности анализировать социальный идеализм и надежды времен политической оттепели, видоизменения ценностно-нормативных структур советского мышления, социального облика строительниц социализма.

Ключевые слова: городская повседневность, производственная повседневность, гендер, быт, история СССР, устная история

Благодарности и финансирование: Поддержано Министерством науки и высшего образования РФ (грант № 075-15-2022-328) и РФФИ (грант N 22-28-01428).

Для цитирования: Пушкарёва Н.Л., Жидченко А.В. «Создали себя и город»: женский вклад в развитие Магнитогорска 1950–1960-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 393–407. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-393-407>

“We Created Ourselves and the city”: Women's Contribution to the Development of Magnitogorsk in the 1950–1960s

Natalya L. Pushkareva , Alexander V. Zhidchenko
Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
 pushkarev@mail.ru

Abstract: The everyday life of Soviet women during the years of the Khrushchev thaw is one of the insufficiently studied issues of Soviet women's history. This article is devoted to its study using the methods of gender anthropology and multi-focal ethnography of urban life. Its analysis is based on:

© Пушкарёва Н.Л., Жидченко А.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

heterogeneous empirical material - published memoirs of contemporaries, their oral stories (recorded by the authors of the article), materials from periodicals, neglected works of fiction, and visual sources. Magnitogorsk was chosen as the main research locus due to it being a large non-administrative industrial center that had appeared even before the war, and in which demographic gender imbalance persisted even after 1945. After analyzing the features of the women's contribution to the formation of a new image of the city, the authors completed the picture of the lifestyles of urban women, showing several social types that changed the face of the industrial giant: architects, housewives, social activists, workers of the Magnitogorsk Iron and Steel Works. The collected material showed the success of the Soviet Union's new social policy, which was an innovative transition of the Soviet state from the harsh methods of management of the 1930s – early 1950s to Soviet democracy, including recognition of the importance of private life, including of Soviet women. However, everyday life of Soviet women from a half a century ago also revealed a number of issues such as: gender inequality and has the exposed the difficulties of organizing everyday women's domestic (family) and industrial life. By proving the importance of gender anthropology as an approach that expands the ability to analyze social idealism and hopes of the political thaw, this approach helps frame the period by showing how gender interacted with the shifting value-normative structures of Soviet thinking and the social image of the female builders of socialism.

Keywords: city's everyday life, production everyday life, gender, life, history of the USSR, oral history

Acknowledgements and Funding: Supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant no. 075-15-2022-328) and the Russian Science Foundation (grant no. 22-28-01428).

For citation: Pushkareva, Natalya, and Zhidchenko, Alexander. “ ‘We Created Ourselves and the city’: Women's Contribution to the Development of Magnitogorsk in the 1950–1960s.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 3 (August 2023): 393–407 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-393-407>

Введение

Глобальный модернистский проект перехода СССР к индустриальному обществу полноценно мог быть развернут лишь после Второй мировой войны. Восстановление страны после Победы 1945 г. заняло не одно десятилетие. Эти годы были отмечены сменой политического курса, отступлением от советского авторитаризма 1930-х – начала 1950-х гг. и заменой его попытками демократизировать, очеловечить методы строительства коммунистического будущего. Частью этих попыток было и создание часто не реконструкция, а именно создание на не освоенном ранее месте новой советской городской среды, которая была призвана олицетворить решительные перемены в жизни страны в целом и отдельных горожан в частности, их образа жизни, их устремлений, их быта.

В отечественной историографии нашла свое отражение история создания новой городской среды на месте разрушенных врагом городов (каким был, например, Сталинград)¹, а также освоения новых пространств огромной страны, где до войны и поселений-то городского типа не намечалось (Ангарск, Салават и др.)². Анализу был также подвергнут повседневный быт Волгограда, Омска, Ангарска, Салавата, других советских городов в рамках проблемы изучения женской социальной памяти³.

Несколько особняком стоят нестоличные и далекие от центра города, которые еще до войны обрели важное экономическое значение. Одним из таких городов-

¹ Богдашина И.В. Женская социальная память о привычном и обыденном в дневниках жительницы Сталинграда // Вестник Рязанского гос. университета. 2020. № 3 (68). С. 46–54.

² Пушкарёва Н.Л., Белов С.И., Жидченко А.В. «Таежные ленинградки»: повседневная жизнь женщин Ангарска в 1950-х – 1960-х гг. // Вопросы истории. 2022. № 3. С. 95–104.

³ Богдашина И.В. Женская социальная память о привычном и обыденном в дневниках жительницы Сталинграда // Вестник Рязанского гос. университета. 2020. № 3. С. 46–54; Пушкарёва Н.Л., Белов С.И., Жидченко А.В. «Таежные ленинградки»: повседневная жизнь женщин Ангарска в 1950-х – 1960-х гг. // Вопросы истории. 2022. № 3. С. 95–104.

символов был Магнитогорск⁴, о котором в 1930-е гг. знала вся страна по газетным статьям, радиосводкам, по советским песням и фильмам. В начале 1950-х гг. город считался признанной «столицей черной металлургии». К 1959 г. в нем проживало 311 101 чел., из которых 145 168 составляли мужчины и 165 933 женщины⁵. Гендерный дисбаланс, сформированный войной, сохранился и к концу 1960-х гг.⁶ При этом в историографии отсутствуют работы о жизни женщин в Магнитогорске семьдесят лет назад – поскольку в самих описаниях города тех лет, да и более поздних буквально никакой информации о темпах развития социально-бытовой сферы не найти⁷.

Авторы настоящей статьи ставят перед собой цель выяснить, каков был вклад именно жительниц города у Горы Магнитной в изменение советского образа жизни в первые послевоенные десятилетия, и стоят ли исследовательского внимания усилия по консервации элементов памяти, сама фиксация свидетельств жительниц города? Насколько остались в современной социальной памяти успехи и достижения численно большей женской части населения города? В целом, перед авторами стоит задача проанализировать социальные и гендерные трансформации, вызванные общественно-политическими и социально-экономическими изменениями в СССР 1950–1960-х гг. в образцовом советском городе середины XX в., как в старой его части, сформированной еще до 1941 г., так и в новой правобережной, строившейся уже после войны, проследить разные стороны женского быта в меняющемся социокультурном ландшафте оттепели и, шире, в общеисторическом контексте. Эта задача концептуально вписывается в историко-антропологический поворот российской науки, обратившейся от исследований политических катаклизмов, классов, социальных страт к изучению обыденных нужд и забот «простых людей», их представлений об успешности, зажиточности, полноте жизни, счастье – в этом смысле советское прошлое как раз и может быть «измерено», соотнесено с консьюмеристскими стандартами, которые в то время решительно отрицались.

Авторы старались понять, какой видели свою роль в создании новой городской повседневности жительницы индустриального центра, который был при этом глубоко тыловым городом. Была ли эта женская повседневность схожа с женским столичным стилем жизни или отличалась особыми чертами? Насколько могли себе позволить жительницы «стального сердца России» жить той обыденностью, которой были пропитаны годы хрущевской оттепели 1950-х – 1960-х гг. в Москве и Ленинграде, отмеченные расширением круга бытовых домашних помощников (холодильников, пылесосов, полотеров, а чуть позже и телевизоров), явным культурным и духовным подъемом, созданием новых журналов, театров, литературными спорами, надеждами на скорые перемены жизни к лучшему?

Комплекс используемых источников можно разделить на три группы. К первой относятся документы личного происхождения – а именно записи воспоминаний жительниц Магнитогорска, сделанные авторами данного текста в 2010-е гг. и запечатлевшие память респонденток старшего возраста, чье детство (реже юность) прошли в этом городе. Также авторами статьи использованы интернет-сайты, на которых сохранены

⁴ *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995.*

⁵ *Нестерова З.Н.* Магнитогорск. М., 1951. С. 6; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Численность городского населения РСФСР // Демоскоп Weekly. 25.09.2013. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg2.php (дата обращения: 10.07.2023).

⁶ Магнитогорск. 1967. URL: http://www.mojgorod.ru/cheljab_obl/magnitgorsk/index.html (дата обращения: 10.07.2023).

⁷ *Бумажный А.О., Морозов М.Г.* Магнитогорск. М., 1958; *Казаринова В.И.* Магнитогорск. Магнитогорск. 1961; *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995;* *Баканов В.П.* Испытание Магниткой. Магнитогорск, 2001.

воспоминания старожилов, что облегчает поиск справочных данных и выполняет роль триангулятора, «проверочного ресурса». Это важно в случае обобщения материалов именно по проблемам социальной исторической памяти. Вторая группа источников представлена местной и центральной печатью 1950–1960-х гг. К третьей группе относятся произведения художественной литературы, написанные в изучаемые годы и призванные подчеркнуть уникальность Магнитогорска, раскрыть быт его жителей в первые послевоенные десятилетия (город часто воспевался писателями и поэтами, и восторженное отношение тех лет необходимо исследователям истоков социального оптимизма советских людей и современной «совностальгии»).

В описанном комплексе роль эго-документов первична. «Магнитка» была типично рабочим городом, так что опубликованных личных свидетельств, тем более женских, катастрофически мало, они дополнены устными женскими историями и теми отрывочными записями, которые выложены на сайте города.

«Архитектурное разнообразие» Магнитки: «градостроительницы»

Начиная свое исследование, авторы предположили, что повседневность жительниц новых районов Магнитогорска не должна была быть похожа на бытовые условия и практики тех, кому довелось жить в городской черте довоенного времени. С этой точки зрения, интерес представляло изучение особенностей быта и тех, кто жил в центре индустриального гиганта, и тех, кто осваивал новые части города, которые стали складываться в правобережной части реки Урал. Идея освоения этих районов и создания там новой городской среды родилась во второе послевоенное десятилетие: в 1954 г. на «новом», правом берегу проживало 35 % горожан, а к концу 1957 г. – уже свыше 55 %⁸. В отличие от городов, возникавших в годы оттепели в ходе реализации планов по равномерному распределению рабочей силы в неосвоенных частях страны (Альметьевск, Салават, Ангарск, Волжский, Дубна и др.), Магнитогорск принадлежал к числу городов довоенной индустриализации. В этот период на левом берегу реки Урал имелось городское культурно-историческое пространство, сформированное в 1930–1940-е гг. Женщины, как давно жившие в нем, как и эвакуированные, хорошо запомнили тяготы тыловой жизни⁹. Рассказывая о первых послевоенных годах, одна из респонденток (эвакуированная с мамой из Смоленска и окончившая в 1946 г. Магнитогорский горно-металлургический институт) вспоминала о 400 граммах хлеба, которые ей давали как студентке:

На лекции их шиплешь и шиплешь, а домой уж и нечего нести. А дома мама – она работала в училище комендантом, похлебку с работы принесет, вечером эту похлебку мамину съешь. Мама что ела? Не знаю¹⁰.

Голод 1946–1947 гг. был общей бедой всей страны, и преодолевали ее сообща. В Магнитогорск прибывали семьи переселенцев из других частей СССР: здесь легче было получить работу на разраставшемся предприятии и жилье в начавшем строиться Правобережье. Героями тех дней, как и в довоенный период, местная пресса представляла рабочих-мужчин – мартеновцев, сталеваров, металлургов, бригадиров-передовиков, которые продукцию «давали сверх плана» и «высокопроизводительно трудились»¹¹.

⁸ Нуримова Т.У. Сохранить бы то, что осталось // Вечерний Магнитогорск. 05.01.2017.

⁹ Шинкевич А.В. Повседневная жизнь Магнитогорска в годы 1941–1945 гг. // Русский исторический сборник. Вып. 9. М., 2015. С. 344–366.

¹⁰ Бреслер М.А. // История МГТУ им. Г.И. Носова в воспоминаниях. Магнитогорск, 2014. С. 20.

¹¹ В первые дни Нового года // Челябинский рабочий. 1954. № 3.

Быт города во второе послевоенное десятилетие разворачивался в необычной для провинции городской среде. Необычность состояла в значительной включенности в ее конструирование женщин-архитекторов ленинградской архитектурной школы. Достаточно напомнить, что и главным архитектором этого промышленного гиганта после войны была И.Н. Рожкова. Пережив блокаду в Ленинграде, она в 1947 г. окончила архитектурный факультет Ленинградского института инженеров коммунального строительства, поработала районным архитектором в Челябинске и оттуда ушла на повышение – на должность главного архитектора Магнитогорска (и это в 30 лет). Воспоминания женщин-коллег, создававших город вместе с нею, содержат воспоминания о неженской твердости в отстаивании решений (которые сильно зависели от смены идеологии и стиля – от сталинской помпезности к борьбе с излишествами во времена Хрущева). Из интервью с И.Н. Рожковой 2006 г.:

Государственная идеология не оставляла архитекторам места для творчества, мешала воплощению их замыслов и идей; но даже в тех жестких рамках Ирина Николаевна настаивала на архитектурном разнообразии¹².

Она настаивала на быстроте темпов переезда семей магнитогорцев из временных домов барачного типа в четырехэтажные и пятиэтажные новостройки. По обмену опытом И.Н. Рожкову отправляли в Китай в 1957 г. (когда выезды за рубеж бывали крайне редкими), часто брали интервью женские журналы, в особенности «Работница», старавшиеся противопоставить ожидание встречи с «маститым градостроителем» и ее женственную внешность («из-под черной меховой шапочки выбивались светлые волосы»), застенчивость улыбки («глаза испытующе спрашивали, «много ли времени вы у меня отнимете?») – и широту архитектурного мышления. Так описывали очевидцы величие центра города:

От полукруглой площади веером расходятся широкие улицы с 5-ти – 6-этажными зданиями, правильным прямоугольникам кварталов не видно конца, быстрыми, легкими шагами она переходит из двора во двор, с улицы на улицу¹³.

Конечно, возможность планирования жилья не только торжественного (как было характерно для «сталинок»), но и удобного для жизни было завоеванием новой жилищной политики, развернувшейся по всему СССР в конце 1950-х гг., однако и роль женской руки в планировке города и в выборе типов строящихся домов, в которых (не уступая столичным) были предусмотрены просторные комнаты, центральное отопление, ванны с горячей водой, кладовые, стенные шкафы, мусоропроводы в квартирах, – трудно переоценить. В 1963 г. в 12 тыс. магнитогорских квартир «пришел газ» от газопровода Бухара – Урал. В годы массового строительства панельных домов, позже названных «хрущобами», около 2 тыс. семей получили новые квартиры с измененной планировкой. Женская практичность в согласии с новыми архитектурными стандартами заставила отказаться от бесполезных квартирных коридоров и увеличить число одно- и двухкомнатных квартир. Архитектурный облик Магнитогорска создавался руками женщин-архитекторов Ленинградского государственного института проектирования городов (Ленгипрогор'а). Архитектор Т. Бутаева в начале 1950-х гг. разработала большую часть фасадов ансамблей жилого массива с элементами русской архитектуры периода классициз-

¹² Сообщение А.В. Беспаловой в: *Скуридин М.* Жизненный проект Ирины Рожковой // Магнитогорский металл. 13.05.2006. URL: <https://magmetall.ru/news/deystvuyuschie-lica/ziznennyj-proekt-iriny-rozkovoj/> (дата обращения: 10.07.2023).

¹³ *Бужкевич М.* Урал, Магнитная гора: На правом берегу // Работница. 1957. № 1. С. 4–5.

ма¹⁴, ее руке принадлежат чертежи внутренних дворов с большими арочными проемами, через которые раскрывался интерьер квартала с газонами, цветниками и декоративными кустарниками. Архитектор З.Н. Нестерова (она же впоследствии – автор первой обобщающей работы об архитектуре Магнитогорска) разрабатывала проект крупнопанельных жилых домов, желая учесть при планировке квартир «потребности женской [повседневной] жизни»¹⁵.

История создания комфортной городской среды в нестоличном городе середины 1950-х гг. сохранилась в архитектурном решении новых кварталов, ограниченных проспектом Metallургов и улицей Жданова, предусмотренных группой архитекторов (в числе которых было немало женщин) 20 школ, 2 театра, 5 кинотеатров, 5 клубов, 2 библиотеки, десятки магазинов, столовых, два рынка. В каждом жилом здании планировалось сооружение «хозяйственного блока», где могли быть колясочные, прачечные, «служба быта». Впервые в истории этого города в каждом новом квартале задумывалось наличие помещений для мастерских домоуправления, места для мусоросборных камер, гаражей. Озелененные дворы и скверы оценили молодые мамы с детьми. Школьникам, направлявшимся на учебу, не нужно было переходить улицу с большим движением. В городе началось сооружение Дворца металлургов со зрительным залом на 1200 мест, были выстроены телецентр, Дом пионеров, гостиницы, новый вокзал¹⁶.

«Магнитка» конца 1950-х – начала 1960-х гг. имела особое снабжение продуктами и промтоварами. Жительница башкирского Ишимбая Л.Ф. Салмина вспоминала, как в 1959 г. она, школьница, посетила в ходе экскурсии такие города, как Магнитогорск, Челябинск, Свердловск, но именно «Магнитка» поразила ее больше всего:

...чистота, красота, витрины магазинов, широкие проспекты, впервые там попробовала глазированные сырки, которых ни в Ишимбасе, ни в Челябинске, ни даже в Свердловске тогда было не найти¹⁷.

Женские имена и образы присутствовали в элементах городского пространства: прачечная «Лебедь», ателье «Светлана», «Людмила», «Уралочка», «Модница»¹⁸; по городу были высажены кустарники специально выведенных сортов «Уральская красавица», «Башкирская краса»¹⁹.

Строгий взгляд на перечисленные достижения, возможно, заставит отрицать «женское влияние» на планировку и застройку города, его благоустройство и социокультурное пространство. Возможно, не гендерная принадлежность главного архитектора, а общий социальный запрос времен оттепели был определяющим, и на смену жестким управленческим решениям административно-командной системы пришли более гибкие формы руководства, а «архитектурным излишества» – рациональность. Но все же именно в послевоенное время на множестве представительских должностей в разных частях страны (в том числе – и среди главных архитекторов) чаще стали оказываться женщины, получившие высшее образование до и в годы войны, а порой и административный опыт, переданный их старшими наставниками, которые замещали в 1941–1945 гг. мужчин, призванных на фронт.

¹⁴ Казанева Е.К., Шенцова О.М., Хисматуллина Д.Д. Развитие социалистического классицизма в формообразовании архитектурного облика Магнитогорска // Новые идеи нового века. 2018. Т. 1. С. 153.

¹⁵ Нестерова З.Н. Магнитогорск. М., 1951. С. 50, 59.

¹⁶ Архитектурная летопись Магнитки // Союз архитекторов России. 09.07.2018. URL: <https://uar.ru/news/arkhitekturnaya-letopis-magnitki/> (дата обращения: 10.07.2023).

¹⁷ Воспоминания Салминой Л.Ф., 1944 г.р. // Авторский архив А.В. Жидченко.

¹⁸ Босенко И.М. Настоящее и будущее Магнитогорска // Становление и развитие Магнитогорска: Городская научно-техническая конференция. Магнитогорск, 1968. С. 30.

¹⁹ Никифорова Т.А. Магнитогорск вчера сегодня, завтра. Челябинск, 1978. С. 4–5, 46–50.

В годы оттепели образ «новых женщин» в СМИ изменился, стал подчеркнуто женственным: не мужеподобные ударницы в красных платках, как в годы сталинской индустриализации, но интеллектуальные, женственные руководительницы, способные как к жестким решениям, так и к творческому подходу в работе. Так, на обложке «Огонька» за 1967 г. размещался портрет Инессы Бикчентаевой – главного архитектора нового города Октябрьский, построенного в 1945 г. (в 180 км от Уфы) при нефтяном промысле²⁰.

«Самоотверженно трудясь»: активистки-общественницы

«Женскую историю» Магнитогорска сохранила и память об общественном активизме времен хрущевской оттепели. В популярные в новых районах общественные объединения – домашние комитеты, «домкомы», – чаще всего входили, как свидетельствуют рассказы, именно женщины, которые на общественных началах следили за порядком во дворах, за ремонтом подъездов, работой коммунальных служб. Серия публикаций в местной прессе подтверждает, что с января 1959 г. около 2 тыс. активисток лишь одного только Сталинского района Магнитогорска участвовали в работе жилищных комиссий и уличных комитетов. «Много дел ждет хозяйского глаза, заботливых рук, неутомимой энергии женщин», – писалось в местной печати²¹. Возрожденные в годы хрущевской оттепели женсоветы на предприятиях и при домоуправлениях были созданы для помощи в воспитании детей, для внедрения новых норм санитарной культуры – они обеспечивали «здоровый быт», включая борьбу с пьянством. Под контролем женсоветов было и ускоренное строительство детских учреждений, часы работы магазинов, столовых, бань, больниц, мастерских бытового обслуживания²².

Спустя полвека причины слабости женсоветов были проанализированы, в результате отмечалось, что повестку этих организаций, приоритетность решаемых задач определяли не простые жительницы городов или работницы предприятий, а те партийные или государственные организации, при которых они действовали²³. Надзорные в отношении женсоветов органы власти строго направляли работу женщин в русло культуры и организации досуга и отвлекали от критики политических решений. При женсоветах действовали секторы культурно-массовой и кружковой работы, для женщин-домохозяек были организованы кружки кройки и шитья, художественной вышивки, домоводства, садоводства и т. д. Однако из 17 тыс. женщин, проживавших в Кировском районе Магнитогорска в 1959 г., почти 2 тыс. были активистами, готовыми участвовать в избрании своего женсовета, который обычно возглавили коммунистки с большим стажем партийной работы. Среди них – А.И. Николаева, А.Н. Безденежных, П.П. Серякова. Более 500 активисток района вошли в советы при 12-ти домоуправлениях, вели активную переписку с женсоветами других районов и городов РСФСР²⁴. Имена активисток постоянно мелькали в местной печати, перечислялись формы приобщения женщин к внесемейной жизни – совместное посещение кинопросмотров, театральных премьер, коллективные закупки книг для личных библиотек в Книготорге²⁵.

²⁰ Главный архитектор Октябрьского Инесса Бикчентаева. *Керим М. Носящий имя революции // Огонек. 1967. № 45. С. 21–22.*

²¹ Массовое движение женщин-общественниц // Челябинский рабочий. 1959. № 20.

²² Там же.

²³ *Racioppi L., O'Sullivan See K. Organizing Women before and after the Fall: Women's Politics in the Soviet Union and Post-Soviet Russia // Signs. 1995. Т. 20. № 4. С. 818–850.*

²⁴ *Бралгин Г. Женсовет действует // Челябинский рабочий. 1959. № 56.*

²⁵ *Тяжельникова В. Они из бригады коммунистического труда // Челябинский рабочий. 1959. № 77.*

Поскольку в Третьей программе КПСС 1961 г. декларировалось, что «формирование нового человека не только следствие, но и условие успешного строительства коммунизма»²⁶, постольку и от женсоветов требовалась постоянная пропаганда успехов активисток комсомольских бригад. Поощрения за успехи были, как правило, нематериальными, но помогавшими обрести самоуважение и гордость за свои достижения. Жительницы города вспоминают про «приветственные плакаты» на улицах города с фотопортретами передовиц производства и указаниями области достижений, которые можно было увидеть в трамваях, автобусах, на газетных стендах, в клубах и дворцах культуры²⁷. По сути, это было программирование женской личности на «достижительность», «внедомашнюю активность», «саморазвитие»²⁸.

Советские женщины на рекламных плакатах пропагандировали образцы ожидаемого от работающих женщин социального поведения. Информация об их производственных успехах воплощала идеологические практики времен построения «коммунистического завтра». Дружинницы, ревизоры, коммунальщицы выполняли предложенные им женсоветами социальные роли как общественные поручения, в дальнейшем трансформировавшиеся в особые формы общественной нагрузки в годы брежневского застоя.

«Вокруг меня пластается цемент»: производственницы

Повседневность жительниц Магнитогорска, какой изобразил ее А.А. Фадеев в своем романе «Черная металлургия» (имея в виду «мужью жену», домашнюю хозяйку) состояла из домашней работы, ухода за детьми, размышлений о себе и отношениях с мужем, что было весьма далеко от надежд тех женщин, которые приезжали в Магнитогорск в поисках пусть тяжелой, но высокооплачиваемой работы и жилья. Достаточно напомнить, что именно на довоенном Магнитогорском металлургическом комбинате появилась первая в истории женщина-сталевар Татьяна Ипполитова, которая 2 января 1940 г. провела первую одиночную (самостоятельную) плавку. Итог подобного эксперимента был печален: уже в 1944 г. женщине пришлось уволиться с работы по инвалидности, но лишь в 1960-е гг. она получила однушку в новом районе, где недолго проработала диспетчером на железнодорожном транспорте²⁹.

К концу хрущевской оттепели на предприятиях города все также работали (уже не в горячих цехах, не на плавках) тысячи женщин, в одном только Магнитогорском металлургическом комбинате – 23 тыс., в том числе в горячих цехах. За один только 1965 г. было принято на работу 2137 женщин, уволилось 1103 женщины, мотивируя увольнения рождением ребенка, выходом на пенсию, болезнями, инвалидностью, затягиванием с решением жилищного вопроса, неудовлетворенностью зарплатой³⁰.

В то же время призыв ВКП(б) 1939 г. «Женщины Магнитогорска – на производство! Дадим для завода и строительства комбината новые сотни, тысячи рабо-

²⁶ Программа Коммунистической партии Советского Союза. [1961 г.] // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17-31 октября 1961 года. Стенографический отчет. М., 1962. Т. 3. С. 229–335.

²⁷ Шамраев В.С. Из опыта организации работы комсомола Магнитки на ударных стройках семилетки // Человек. Труд. Коммунизм (из истории рабочего класса Магнитки). Сб. научных трудов. Магнитогорск, 1970. Вып. 66. С. 70.

²⁸ Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон: сб. ст. СПб., 2000. С. 743–784.

²⁹ Ладова О. Мужской характер, женская душа // Вечерний Магнитогорск. 25.01.2018. URL: <https://vecherka74.ru/actual/11494-muzhskoy-harakter-i-zhenskaya-dusha.html> (дата обращения: 10.07.2023).

³⁰ Михайловская О.Ф. О состоянии условий труда, быта и медицинского обслуживания женщин на Магнитогорском металлургическом комбинате в 60-е годы XX века // Троицкий вестник: сборник научных трудов. Троицк, 2006. С. 317–320.

чих рук!» никто не отменял. При всех попытках государства ограничить или запретить использование женского труда на опасных производствах число работниц, готовых рисковать жизнью и здоровьем, не сокращалось. На фотографиях тех лет – множество женских лиц шлифовальщиц, мотористок, сверлильщиц, разнорабочих, на головах которых по-деревенски повязаны платки. Краеведы с трудом разыскали их имена. Это – штукатур П. Бахтиярова (прожила 81 год), коксовывальщица П. Вяльцева (кавалер Ордена Ленина, прожила 75 лет), вырубщица цеха отделки А. Жаворонкова³¹. На шихтовых дворах мартеновских цехов (где работало 80 красновщиц) была критическая запыленность воздуха (4500 мг на куб); 150 женщин, подручных каменщиков, трудились в местах ремонта ковшей и желобов при температуре +52 градуса по Цельсию в летний период, и при минусовой температуре в зимний. 101 женщина работала на ремонте путей магнитогорского рудника, и именно женщины таскали по двое шпалы весом 80 кг, вручную забивали костыли под них и за смену переносили от 15 до 25 т грузов при слабой освещенности, повышенном шуме. Мойщиками цистерн из-под химпродуктов в отделении ректификации работали тоже женщины³².

Практика запрета профессий, несовместимых с репродуктивной функцией работниц, взяв начало в 1918 г. в первом Кодексе законов о труде и найдя выражение в списке запрещенных для женщин профессий (с 1932 г. до 1978 г. он не пересматривался), была сильно скорректирована во время войны. При формальном запрете на практике многое допускалось и более того: женщины-передовики, выполнявшие самые тяжелые операции, воспевались в местной печати. Известна судьба Е.П. Винницкой – бригадира каменщиц треста «Магнитострой», впоследствии ставшей депутатом Верховного Совета РСФСР и основательницей династии: ее дети и внуки стали металлургами. Интервью с нею сохранила газета:

Поднимаюсь на подмости шестого этажа, в руках у меня кельма и кирпич, а перед глазами из-за верхнего обреза стены, как на ладони, раскинулся новый правобережный город, красивые кварталы жилых домов. И радостно мне, и на душе тепло, и гордость охватывает сердце: я – строитель!³³

Из рабочей среды вышла и поэтесса Р.А. Дышаленкова, воспевавшая производственные будни:

Вокруг меня пластается цемент,
Вокруг тебя звенят стальные полосы,
А над ритмичным перевалом смен
Поет труба диспетчерского голоса...³⁴

Производственная повседневность работниц была далека от нормы. Санитарные требования предполагали наличие на предприятии не менее 15-ти комнат женской гигиены; фактически их оказалось 9, но и они использовались не по назначению. Одна «комната гигиены женщин мартенов» была отдана под здравпункт, другая – под класс технической учебы, третья была обычной раздевалкой. Безразличие к нормативам и запросам работниц проявила и администрация коксохимического производства: там работало свыше 300 женщин, но их гигиеническая комната была оборудо-

³¹ Магнитогорская женщина – характер и статья // Вечерний Магнитогорск. 2018. 8 марта. С. 1.

³² Объединенный Государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. 136. Оп. 2. Д. 231. Л. 13, 14–17; Д. 280. Л. 46; Д. 263. Л. 2–3; Оп. 4. Д. 664. Л. 2–3.

³³ *Ременник Я.* Голосуем за кандидатов блока коммунистов и беспартийных: Елизавета Павловна Винницкая // Челябинский рабочий. 1959. № 41.

³⁴ *Сергеева Т.* Увлекали меня изумрудные залы Урала // Магнитострой. 1998. 8 авг. С. 4.

вана в километре от их рабочего места. В цехе металлической посуды (где работало 1166 женщин) вовсе отсутствовали женская комната, как и медицинский надзор³⁵.

Казалось бы, спецодеждой и спецобувью все предприятия города так или иначе обеспечивались, но реального контроля не было, никаких особых фасонов для женщин не предусматривалось, мартеновкам выдавали мужскую спецодежду, часто не по размеру³⁶. Одна из бывших мартеенок писала в своих воспоминаниях:

Женщина – именно станок. Ее одежды должны сверкать, как лезвие. На производстве с темным и подземным началом, каким издревле является металлургия, она же теургия, она – демиургия, наша модель должна быть сексуально-агрессивна, если она – шеф.

Тридцать лет спустя после описываемого времени она даже добавляла, что женщина-металлург должна была быть

сексуально-призывна, если она занимается сбытом металла, сексуально-неприступна, если она источник богатства или дочь шефа, или жена министра³⁷.

Между тем в 1960-е гг. ее современницам было не до сексуальной призывности.

Женщины на Магнитогорском металлургическом комбинате часто болели. Свыше 23 тыс. работниц обслуживало всего 7 врачей женской консультации. Годовой перегруз больниц составлял 402 дня – и больным часто отказывали в госпитализации, женщины лечились амбулаторно, а зачастую вообще пускали заболевания на самотек (в начале 1965 г. из 2956 дней нетрудоспособности, выписанных в бюллетенях, лишь 1637 дней было проведено женщинами в стационаре³⁸). То есть болели работницы не только сезонными заболеваниями: ухудшались показатели нетрудоспособности в связи с абортми, по уходу за заболевшими детьми. На излете оттепели (данные за 1964 г.) из числа беременных под наблюдением медсанчасти комбината родили детей 1036 чел., а искусственно прервали беременность в 4 раза больше, 4276. Опрос 90 женщин в гинекологическом отделении выявил: основной причиной абортми были неудовлетворительные материально-бытовые условия, трудности с устройством детей в ясли³⁹. Дети часто рождались и до брака, и их матери оказывались перед выбором: стать одиночками, сдавая на большую часть дня детей в ясли, или избавиться от беременности. Невозможность иметь сносные жилищные условия диктовали отдаленность потенциальных мам от потенциальных бабушек, которые могли бы помогать ставить детей на ноги, раз яслей и садов не хватало. И слова журналистов того времени о «нежной мужественности»⁴⁰ женщин Магнитогорска, получается, были правдой – но правдой неполной, не вполне раскрывающей трудности женской повседневности.

Как и в годы сталинских пятилеток, в годы оттепели самоотверженный труд женщин оставался в фокусе сообщений корреспондентов местной и центральной прессы. Образ мужественной соратницы сменился образом женственной активистки с приятной улыбкой. Визуальный ряд рассматриваемого десятилетия с помощью

³⁵ ОГАЧО. Ф. 136. Оп. 4. Д. 664. Л. 3; Д. 757. Л. 8–9; Д. 757. Л. 11–12.

³⁶ Михайловская О.Ф. О состоянии условий труда, быта... С. 319.

³⁷ Дышаленкова Р.А. Демонстрация моделей (рассказ) // Прощальное слово о знахаре. Магнитогорск, 2001. С. 221–222.

³⁸ Михайловская О.Ф. Деятельность профсоюзов по улучшению условий труда и снижению производственного травматизма на предприятиях Челябинской обл. в конце 50-х – первой половине 80-х гг. XX века // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск – Новосибирск, 2008. Вып. 19. С. 77–84.

³⁹ Михайловская О.Ф. Архивные источники об охране труда и здоровья трудящихся Челябинской области в 60–80-е годы XX века // Архивное дело в Челябинской области. Челябинск, 2006. Ч. 11. С. 169–171.

⁴⁰ Шнейвайс Р. Мой друг Людмила // ОГАЧО. URL: <https://archive74.ru> (дата обращения: 10.07.2023).

фото, живописи, кинематографа реконструировал образ женской неиссякаемой энергии, оптимизма и исключал наличие в нем каких-либо признаков грусти, а уж тем более тоски и апатии.

«Ни минуты побряжки»: домохозяйки

Помимо тяжелых производственных будней на женщин Магнитогорска, как и всей страны, ложились тяготы домашних забот. При этом средства массовой информации слабо освещали домашний повседневный труд женщин. Однако зоркий глаз писателя А.А. Фадеева, прибывшего к Горе Магнитной в 1952 г., выхватил на численное преобладание в городе женских лиц. Спустя десять лет статистика подтверждала численное преобладание женщин (более чем на 10 %) ⁴¹. Писатель приступил к написанию романа (который так и не закончил) под названием «Домашняя хозяйка», отрывки из которого публиковал в газете «Челябинский рабочий» (позднее выходила под названием «Черная металлургия» ⁴²).

Прибывший в Магнитогорск А.А. Фадеев запечатлел послевоенный быт в городе, который тяжелым бременем ложился на плечи женщин:

со всей тяжестью и скукой неуловимых, неисчислимых, опутывающих душу и страшных своей мелочностью забот, определяющих жизнь миллионов [хозяек, которые] по материнской выучке <...> с детства не давали себе ни минуты побряжки ⁴³.

Героиня произведения еще была и «мужней женой» с маленьким ребенком – в то время как огромное число работниц индустриального гиганта были матерями-одиночками. Эта нормативно зафиксированная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. ⁴⁴ категория женщин, равно как понятие «малолетние», были неотъемлемой частью советской повседневности. Семьи с одним и двумя детьми также, как и бездетные граждане, облагались налогом ⁴⁵.

Практики установления отцовства отсутствовали, так что фактические отцы, согласно тому же Указу 1944 г., освобождались от ответственности за детей, если они не были зарегистрированы в браке с матерью ребенка. При запрете аборт до 1956 г. множество женщин, таким образом, было обречено к концу 1950-х – началу 1960-х гг. оказаться именно матерями-одиночками, а иногда малолетними матерями, имевшими двух и менее детей ⁴⁶. Жизнь заставляла их браться за неженские профессии, чтобы больше заработать, сочетая физически тяжелые рабочие будни с родительскими обязанностями, поскольку пособие на одного ребенка обычно не превышало 50 (после денежной реформы – 5) руб. ⁴⁷ – суммы, «которой иным недостаточно на содержание собаки» ⁴⁸.

⁴¹ Всесоюзная перепись населения 1970 года. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/spp/rus70_reg2.php (дата обращения: 10.07.2023).

⁴² Роман с металлургией: Александр Фадеев на Южном Урале и в Магнитогорске. Магнитогорск, 2021.

⁴³ Фадеев А. Домашняя хозяйка: Главы из Романа // Челябинский рабочий. 1954. № 241. С. 3; № 247. С. 5.

⁴⁴ Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям. Указ Президиума ВС СССР от 08.07.1944 г. // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=507#04863223381935209> (дата обращения: 10.07.2023).

⁴⁵ Nakachi M. Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law: Politics, Reproduction, and Language // East European Politics and Societies. 2006. P. 40–68.

⁴⁶ Денисова Л.Н. Политическая спираль семейного законодательства // Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. М., 2007. С. 19–51.

⁴⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 232. Л. 72.

⁴⁸ Письма читателей в Литературную газету. Отзывы читателей о серии статей «Молчание – не золото» // Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 634. Редакция «Литературной газеты». Оп. 5. Д. 488. Л. 43–52.

Опираясь на собственный опыт матери-одиночки – при этом крановщицы, позже дробильщицы цемзавода Магнитогорского металлургического комбината, Р. Дышаленкова, ставшая заочницей Литературного института имени М. Горького⁴⁹, вспоминала позже, что растила ребенка «с помощью окружающих людей» и радиопередач вроде «Радионяни», звучавшей «дома в каждую минуту свободного времени»⁵⁰. Большую помощь оказывали ясли и детские сады, о значимости которых для перегруженных работой и домашними делами матерей советская печать писала много. Публиковались бодрые письма работниц, зачастую сочиненные в редакциях, следующего типа:

Ну какая я мать-одиночка! В заводском садике к сыну относятся хорошо, да и дома ему материально неплохо⁵¹.

Наблюдательный взгляд писателя Фадеева заметил женские заботы тружениц Магнитогорска. Писатель большую часть жизни прожил в Москве, и его представления о столичном быте домохозяек были перенесены на реалии провинциального Магнитогорска. Пример расхождений: плакавшему ребенку «мать сунула в рот клюковку в сахаре»⁵². По словам старожилок, таких конфет провинциальный Магнитогорск не знал, дети в городе не знали вкуса конфет иногда до трех лет, так матери берегли им зубы («только натуральная сладость: морковь, яблоко, свекла»⁵³). Сибирские старожилки рассказали, что в 1950-е гг. на рынках часто продавались баночки с клюквой, протертой с сахаром, но про такие конфеты они не знали⁵⁴. Матери готовили детям простую еду, сладостями не баловали, хотя снабжение индустриального гиганта было неплохим. Одна из рассказчиц поделилась воспоминанием о том, что главной сладостью в начале 1960-х гг. был для нее на Урале крыжовник, а купленный на одной из станций, когда ехала с мамой на Украину, кулек вишни с сахаром запомнился на всю жизнь⁵⁵.

Все рассказы жительниц Магнитогорска изобилуют примерами сильной зависимости в семейной жизни женщин от мужчин в рассматриваемый период. Сказывалось деревенское воспитание, ориентированное на замужний статус, сила традиции, людское осуждение одиночества⁵⁶. Многим женщинам приходилось терпеть обиды, пьянство мужей, их измены – все это сполна отобразил и А.А. Фадеев в своем романе, о том же говорили и респондентки, и авторы автобиографических текстов:

Людам охота драться и ссориться, женщины ж ниже воды, тише травы. Терпеть придется напраслину⁵⁷.

Мужчины после войны были в цене, женщины старались сохранять брак, выполняя в одиночку множество ежедневных рутинных дел. Согласно официальной статистке, домашний труд занимал у работающих мужчин в СССР около 1 часа в сутки,

⁴⁹ Сергеева Т. Увлекали меня изумрудные залы Урала // Магнитострой. 1998. 8 августа. С. 4.

⁵⁰ Орлова Н. К 80-летию со дня рождения Риммы Дышаленковой // Объединение городских библиотек Магнитогорска. URL: <https://www.ogbmagnitka.ru/info/ogb.html> (дата обращения: 10.07.2023).

⁵¹ От имени сына // Литературная газета. 28.08.1954. С. 2.

⁵² Фадеев А. Домашняя хозяйка: Главы из Романа // Челябинский рабочий. 1954. № 241.

⁵³ Воспоминания И.М. [Петровой], 1927 г.р., Иваново // Авторский архив А.В. Жидченко. Запись 25.09.2020.

⁵⁴ Воспоминания Н.Н. Кочетовой, 1955 г.р., Омск // Авторский архив А.В. Жидченко. Запись 24.11.2008.

⁵⁵ Воспоминания Н.Н. Артоховой, 1960 г.р. // Авторский архив А.В. Жидченко. Запись 19.05.2011.

⁵⁶ Фадеев А. Домашняя хозяйка: главы из Романа // Челябинский рабочий. 1954. № 247.

⁵⁷ Дышаленкова Р.А. Бабушкины приметы, дедушкин табачок... // Прощальное слово о знахаре: рассказы. Магнитогорск, 2001. С. 213.

а у женщин, имевших детей, – до 4–5 часов в день⁵⁸. Загруженность домашними делами всех женщин прошла красной нитью в художественной литературе того времени. Образ советской горожанки, вынужденной метаться между уборками-готовками-стирками, недовольным мужем, болеющими детьми и работой, сверхурочными часами, отведенными на идиотские политзанятия, вывела в своей повести «Неделя как неделя» Н. Баранская⁵⁹. При этом в воспоминаниях жительниц Магнитогорска поражает их устремленность к получению высшего образования, обучению в вечерних школах и на вечерних факультетах. Так, Э.М. Милюкова (Евсина) писала по этому поводу:

До поступления в 1959 г. работала то учетчицей, то наладчицей, мы первые три курса и работали, и учились»; «дружно отмечали все праздники, дни рождения, на природу выезжали вместе, на одном автобусе, участвовали в строительстве, на уборку урожая ездили, вечером группы с занятий снимали и отправляли в колхозы⁶⁰.

Воспоминания Милюковой дополнила Л.И. Барсукова:

Тогда был стимул учиться, молодому специалисту платили деньги, могли дать квартиру, работу, отправляли на практику⁶¹.

В отличие от описанных выше социальных ролей городской жительницы Магнитогорска (активистки, производственницы), роль домохозяйки была невидимой и незначимой в общественно-политическом дискурсе, тем не менее характерной для каждой без исключения советской женщины. В период оттепели условное пространство повседневности домохозяйки сместилось от общего (идей обобществления быта, строительства в Магнитогорске экспериментальных домов-коммун с фабриками-кухнями) к частному (получению отдельных квартир, к росту производства товаров народного потребления, в том числе бытовой техники, облегчавшей труд женщин на собственной кухне, в квартире с ванной комнатой, кладовкой, балконом, встроенным шкафом и т. д.

Выводы

Магнитогорск претендовал на «столичность». Здесь старались продемонстрировать достигнутую решенность «женского вопроса»: женщина на посту главного архитектора, женщина – Герой труда, родоначальница династии металлургов, даже домохозяйка представлена все успевающей, воспетой культовым писателем своего времени. Но, несмотря на наследие молодежной романтики 1930-х гг. и особое снабжение продуктами, Магнитогорск был для женской части городского населения городом-испытанием. Едва ли не на первом месте была плохая экология. Новые районы Магнитогорска 1950–1960-х гг. были экологически более благополучны и в большей степени несли веяния, атмосферу и новации периода оттепели, меняя жизненные стратегии и обещая смену содержания бытовых практик – от поиска путей выживания к нормализации жизни. Но все же физически сложная и беспощадная к женскому здоровью работа в мартеновских цехах ММК, необходимость дополнять ее «второй сменой» домашнего труда, распространенность семейного, мужского пьянства, частая необходимость в одиночку тянуть воспитание детей делали жизнь «магнитогорочек» куда более трудной, чем жительницам Москвы и Ленинграда⁶².

⁵⁸ Гордон Л., Клопов Э. Социальные проблемы быта // Коммунист. 1974. № 17. С. 49–60.

⁵⁹ Баранская Н. Неделя как неделя // Новый мир. 1969. № 11. С. 23–55; Кацкарова Е. Женская тема в прозе 60-х годов // Все люди сестры. СПб, 1996. № 5. С. 57–69.

⁶⁰ Милюкова (Евсина) Э.М. Воспоминания // История МГТУ им. Г.И. Носова в воспоминаниях. Магнитогорск, 2014. С. 149–150.

⁶¹ Барсукова Л.И. Воспоминания работников МГТУ // История МГТУ им. Г.И. Носова в воспоминаниях. Магнитогорск, 2014. С. 155–156.

⁶² Араповец Н.А. Женский труд в промышленности СССР. М., 1954.

Под влиянием оттепели изменилось не столько содержание, сколько смысловое наполнение социальных ролей женщин, что наглядно представляет повседневная жизнь горожанок в 1950–1960-е гг. В этом крупном людском анклав у Горы Магнитной нашлась, по сути, лишь одна интеллектуальная социальная роль – «градостроительницы», архитекторши – олицетворения связи строительства и искусства, экономичности и комфорта. Другие социальные женские роли, воспеты известными писателями и средствами массовой информации того времени, воплощены теми, кому жилось в этом городе очень нелегко. Как представительницы «столицы советской металлургии», они имели определенную известность, относительно большие возможности социального обеспечения, но бытовая жизнь их по большей части была тяжела, и их самоотверженный труд ощущался ими, скорее, как жертва во имя своей семьи и детей. Изучение условий труда и быта женщин, занятых на промышленных предприятиях Магнитки, сопоставление их с данными статистики, сообщениями местных соборов, с воспоминаниями работниц – это путь к пониманию антропологии городской повседневности в ее гендерном измерении. В рамках изучения женской истории решение данной исследовательской задачи было связано с выявлением типичного для того времени противоречия между вредным для женского здоровья трудом и невозможностью иным путем обеспечить для советской женщины той эпохи реально высокие заработки и социальные гарантии.

Поступила в редакцию / Submitted: 04.04.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 25.06.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 23.05.2023

References

- Bakanov, V.P. "Ispytanie Magnitkoi [Experienceby Magnitogorsk]." Magnitogorsk: [N.s.], 2001 (in Russian).
- Barsukova, L.I. "Vospominaniia rabotnikov MGTU [Memories of MGTU's workers]." In *Istoriya MGTU im. G.I. Nosova v vospominaniyakh*, 155–156. Magnitogorsk: Izd-vo MGTU Publ., 2014 (in Russian).
- Bogdashina, I.V. "Women's social memory of the familiar and ordinary in the diaries of a resident of Stalingrad." *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (2020): 46–54 (in Russian).
- Bresler, M.A. *Istoriia MGTU im. G.I. Nosova v vospominaniyakh* [History of Moscow State Technical University named after G. I. Nosov in memories]. Magnitogorsk: Izd-va MGTU im. G.I. Nosova Publ., 2014 (in Russian).
- Denisova, L.N. *Politicheskaiia spiral' semeinogo zakonodatel'stva. Sud'ba russkoi krest'ianki v XX veke: brak, sem'ia, byt* [The political spiral of family law. The fate of the Russian peasant woman in the twentieth century: marriage, family, being]. Moscow: ROSPEN Publ., 2007 (in Russian).
- Dyshalenkova, R.A. *Babushkiny primety, dedushkin tabachok... Proshchal'noe slovo o znakhare: rasskazy* [Grandmother's signs, grandfather's tobacco... Farewell word about the healer: Stories]. Magnitogorsk: Magnitog. dom pechati Publ., 2001 (in Russian).
- Dyshalenkova, R.A. *Demonstratsiia modelei (rasskaz). Proshchal'noe slovo o znakhare* [Demonstration of models (story). Farewell word about the healer]. Magnitogorsk: Magnitog. dom pechati Publ., 2001 (in Russian).
- Gordon, L., and Klopov, E. "Sotsial'nye problemy byta." *Kommunist*, no. 17 (1974): 49–60 (in Russian).
- Gyunter, H. "Arkhetipy sovetskoi kul'tury [Archetypes of Soviet culture]." In *Sotsrealisticheskii kanon: sbornik statei*, 743–784. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 2000 (in Russian).
- Kashkarova, Ye. "Zhenskaia tema v proze 60-kh godov [Women's theme in prose of the 60s]." *Vse liudi sestry*, no. 5 (1996): 57–69 (in Russian).
- Kazaneva, E.K., Shentsova, O.M., and Khismatullina, D.D. "The development of socialist classicism in the shaping of the architectural appearance of Magnitogorsk." *Novye idei novogo veka*, no. 1 (2018): 153 (in Russian).

- Kotkin, S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995.
- Ladova, O. “Muzhskoi kharakter, zhenskaia dusha [Muzhskoi kharakter, zhenskaia dusha].” *Vechernii Magnitogorsk*, January 25, 2018 (in Russian).
- Mikhaylovskaya, O.F. “Arkhnivnye istochniki ob okhrane truda i zdorov'ia trudiashchikhsya Chelyabinskoi oblasti v 60–80-e gody XX veka [Archival sources on labor protection and health of workers of the Chelyabinsk region in the 60–80s of the XX century].” *Arkhnivnoe delo v Chelyabinskoi oblasti*, no. 11 (2006): 169–171 (in Russian).
- Mikhaylovskaya, O.F. “O sostoianii uslovii truda, byta i meditsinskogo obsluzhivaniia zhenshchin na Magnitogorskom metallurgicheskom kombinatе v 60-e gody XX veka [On the state of working conditions, living conditions and medical care for women at the Magnitogorsk Iron and Steel Works in the 60s of the twentieth century].” In *Troitskii vestnik. Sbornik nauchnyh trudov*, 317–320. Troitsk: ChelGu Publ., 2006 (in Russian).
- Mikhaylovskaya, O.F. Deiatel'nost' profsoiuzov po uluchsheniiu uslovii truda i snizheniiu proizvodstvennogo travmatizma na predpriiatiakh Chelyabinskoi oblasti v kontse 50-kh – pervoi polovine 80-kh gg. XX veka [Activities of professors to improve working conditions and reduce industrial injuries at enterprises of the Chelyabinsk region in the late 50s – the first half of the 80s. XX century]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, no. 19 (2008): 77–84 (in Russian).
- Milyukova, (Evsina) E.M. “Vospominaniya [Memories].” In *Istoriya MGTU im. G.I. Nosova v vospominaniyah*, 149–150. Magnitogorsk: Izd-vo MGTU Publ., 2014 (in Russian).
- Nakachi, M. “Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law: Politics, Reproduction, and Language.” *East European Politics and Societies* (2006): 40–68.
- Nikiforova, T.A. *Magnitogorsk vchera segodnya, zavtra* [Magnitogorsk yesterday today, tomorrow]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1978 (in Russian).
- Pushkareva, N.L., Belov, S.I., and Zhidchenko, A.V. “‘Taiga Leningradki’: Everyday Life of Angarsk Women in the 1950s – 1960s.” *Voprosy istorii*, no. 3 (2022): 95–104 (in Russian)
- Racioppi, L., and O'Sullivan See, K. “Organizing Women before and after the Fall. Women's Politics in the Soviet Union and Post-Soviet Russia.” *Signs* 20, no. 4 (1995): 818–850.
- Rozhkov, A.Yu. “‘Emocional'nyi povorot’ v istoricheskoi nauke: osnovnye poniatia i podkhody [‘Emotional Turn’ in Historical Science: Basic Concepts and Approaches].” *Golos minuvshago*, no. 3 (2014): 104–106 (in Russian).
- Sergeeva, T. “Uvlekali menia izumrudnye zaly Urala [I was fascinated by the emerald halls of the Urals].” *Magnitostroi*, August 8, 1998 (in Russian).
- Shinkevich, A.V. “Everyday life in Magnitogorsk in the years 1941–1945.” In *Russkii istoricheskii sbornik*, no. 9 (2015): 344–366 (in Russian).
- Stearns, P.N., and Stearns, C.Z. “Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards [Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards].” *The American Historical Review* 90, no. 4 (1985): 813–836.
- Zima, V.F. *Golod v SSSR 1946–1947 godov: Proiskhozhdenie i posledstviya* [Famine in the USSR 1946–1947: Origins and consequences]. Moscow: IRI RAN Publ., 1996 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Львовна Пушкарёва, д-р истор. наук, заведующая центром гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32А; pushkarev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

Natalia L. Pushkareva, Dr. Habil. Hist., Head of the Center for Gender Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; 32A, Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russia; pushkarev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

Александр Владимирович Жидченко, канд. истор. наук, старший научный сотрудник центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32А; zhidchenko220689@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2948-4008>

Alexander V. Zhidchenko, PhD in History, Senior Researcher of the Center for Gender Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; 32A, Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russia; zhidchenko220689@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2948-4008>